

УДК 811.161.1:161.26

С. С. Ваулина

**МОДАЛЬНОСТЬ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ:
НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

7

Рассматриваются теоретические проблемы модальности, имеющие неоднозначное толкование в современной научной литературе, как функционально-семантической и коммуникативной категории. В их числе вопросы о правомерности и целесообразности выделения объективной и субъективной модальности, о специфике взаимодействия объективных и субъективных модальных значений в языке и тексте с учетом коммуникативной направленности и функционально-жанровой принадлежности последнего.

This article considers the theoretical problems of modality that do not have an unambiguous interpretation in modern research literature as a functional-semantic and communicative category. These are the issues of the legitimacy and adequacy of identifying subjective and objective modality, the specific features of interaction between objective and subjective modalities in the language and text in view of the communicative orientation, and the function and genre of the latter.

Ключевые слова: модальность, объективная модальность, субъективная модальность, текстовая модальность, модальность художественного текста.

Key words: modality, objective modality, subjective modality, text modality, fiction text modality.

Общеизвестно, что языковая модальность, являясь одной из ключевых семантических категорий, связывающих высказывание с внеязыковой действительностью и формирующих его коммуникативный потенциал, традиционно входит в число наиболее исследуемых. И хотя за достаточно большой период (более 60 лет) в этой области учеными сделано весьма много, в том числе установлен содержательный объем и средства ее выражения, она до сих пор представляет собой феномен, интерес к которому можно сравнить, по образному выражению З.Я. Тураевой, с «бумом» изучения метафоры [18, с. 114], и на протяжении многих десятилетий «устойчиво сохраняется как признанный предмет дискуссий» [3, с. 59].

Задаваясь вопросом о причинах не ослабевающего внимания к категории модальности и дискуссий вокруг нее, следует признать опре-

деленную уязвимость существующих классификаций входящих в нее содержательных пластов, что стало особенно очевидным в последние десятилетия, ознаменованные функциональной направленностью лингвистических исследований. Смена ориентиров в современном языкознании, в фокусе внимания которого оказался человеческий фактор как важный экстралингвистический компонент языковых преобразований, потребовала, в свою очередь, пересмотра и корректировки традиционных (в значительной степени формальных) взглядов на различные языковые явления, в том числе и на модальность «как средство социального и социокультурного взаимодействия» [18, с. 114].

8

Прежде всего это касается вопроса о традиционном выделении и разграничении основных содержательных пластов категории модальности (объективной и субъективной), которые достаточно последовательно проводятся в большинстве работ и зафиксированы в академических изданиях, например в Русской грамматике (1980) и Лингвистическом энциклопедическом словаре. Однако следует отметить, что не все ученые согласны с таким разграничением и выдвигают на этот счет свои аргументы.

Так, некоторые специалисты полагают, что выделение указанных типов модальности является условным на том основании, что «элемент субъективности наличествует во всех компонентах семантики модальности» [10, с. 41]. Другие, напротив, считают разделение языковой модальности на объективную и субъективную необоснованным, так как «все отношения, выражаемые категорией модальности, являются объективными, ибо они, как и другие отношения действительности, познанные человеком, обобщены в процессе речевой практики, объективированы в языке» [5, с. 55].

Более взвешенным является мнение тех исследователей, которые пишут, что «сферы субъективного и объективного в языке, как и в действительности, всегда взаимосвязаны; категория модальности представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного» [19, с. 234–235], поскольку, как справедливо отмечает Н. С. Валгина, сама объективная модальность «по сути, отражает, как говорящий (автор) квалифицирует действительность — как реальную или ирреальную, возможную, желаемую и др.» [4, с. 96]. Вместе с тем и данная позиция оставляет ряд вопросов и прежде всего вопрос о том, каким образом это диалектическое единство объективного и субъективного выражается в разных коммуникативных типах предложения. В повествовательных предложениях картина такого взаимодействия в целом понятна: объективная модальность, реализующаяся в значениях реальности / ирреальности, и ее периферийный пласт — ситуативная модальность, конкретизирующая эти значения относительно действительности, возможности, необходимости, желательности того или иного действия, — сообщают читателю или слушателю о некоем «положении дел» с точки зрения говорящего, и эта точка зрения (то есть субъективная модальность) может быть эксплицитной (при вводных словах и словосочетаниях) или имплицитной. Ср.: *ученик ходит (ходил) в школу — ученик, вероятно (конечно, само собой разумеется), ходит (ходил) в школу; уче-*

ник может ходить в школу – ученик, вероятно (конечно, само собой разумеется), может ходить в школу; ученик должен ходить в школу – ученик, вероятно (конечно, само собой разумеется) должен ходить в школу; ученик хочет ходить в школу – ученик, вероятно (конечно, само собой разумеется), хочет ходить в школу и т.д. Однако следует заметить, что характер взаимодействия объективной и субъективной модальности выглядит более сложно в предложениях со сказуемым, выраженным глаголом в форме будущего времени, с которым «связаны оттенки предположительности, потенциальности действия, субъективной готовности к действию» [8, с. 63]. Особенно «богаты такими экспрессивно-модальными оттенками формы будущего времени совершенного вида» [8, с. 63]. Ср.: *ученик будет учиться; ученик пойдет в школу; ученик сможет пойти в школу*. Повышенной модальной экспрессивностью обладают, как известно, и предложения со сказуемым в форме независимого инфинитива. Ср.: *быть грозе; чему быть, того не миновать*. В подобных случаях налицо расширение «сферы влияния» субъективной модальности.

Еще сложнее обнаружить объективную модальность и тем более проследить характер ее взаимодействия с субъективной в побудительных предложениях, в которых наблюдаются различные оттенки модального значения волеизъявления говорящего, направленного на другое лицо (или лица), а также в вопросительных предложениях, где говорящий стремится получить ответ на то или иное «положение дел». Ср.: *Принесите мне газету. Который сейчас час?* Разумеется, вряд ли можно констатировать факт отсутствия в подобных примерах объективной модальности, поскольку она фундаментом «укладывается» в структуру любой предикативной единицы, образуя на глубинном уровне ее пропозитивную основу. Вполне очевидно, что в процессе порождения высказывания говорящий произвольно накладывает на ту или иную содержательную структуру объективной модальности свое представление о ней, формируя при этом субъективный план модальности. Человек, познающий мир, всегда ищет суть явления. Но поскольку ее невозможно постичь непосредственно, эмпирически, а только путем интеллектуального выделения онтологического «экстракта», то есть на теоретическом уровне, то человек вынужден интерпретировать мир. Поэтому, говоря об объективной модальности, целесообразно вводить «коэффициент» субъективности [11, с. 135].

Субъективный компонент объективной модальности имеет различную степень выраженности в языке. В современной лингвистике он определяется с помощью семантической категории оценочности [6], что особенно отчетливо прослеживается в тех случаях, когда модальность реализуется за пределами предложения-высказывания – в речи и тексте, где «на передний план выдвигается сам процесс коммуникации, т.е. взаимоотношения автора и читателя» [4, с. 96].

Применительно к тексту ситуация с выделением объективной и субъективной модальности и с их функциональной субординацией выглядит наиболее сложно, и здесь у исследователей наблюдается разброс мнений, при оценке которых необходимо, на наш взгляд, учитывать жанровые разновидности текста.

Так, если речь идет о деловых, научных и документных текстах, главным признаком которых служит объективность и достоверность излагаемых фактов, то их основу составляет именно объективная модальность, сообщающая о «реальном положении дел». Значительное место она занимает и в газетно-публицистических текстах, в содержательную основу которых входят реальные события. В данном случае она выступает в качестве фундамента, на который «наслаивается» субъективная модальность, реализующая авторские интенции [16].

Иная картина наблюдается, если речь идет о художественном тексте, представляющем собой субъективный образ объективного мира действительности и пронизанном антропоцентрическими интенциями. «Как только предметом рассмотрения, — замечает Л. Г. Бабенко, — становится текстовая модальность, стройность и четкость дифференциации модальных значений утрачивается, размываются их границы, наблюдается их пересекаемость и взаимодействие» [2, с. 13]. Данный факт обуславливает появление в научной литературе различных мнений не только касательно соотношения объективного и субъективного в художественном тексте, но и целесообразности выделения в нем объективной модальности.

Так, одни исследователи полагают, что из двух видов модальности — объективной и субъективной — первая вообще не свойственна художественному тексту, а отношения «реальность / ирреальность», присущие предложению, в художественных текстах снимаются, поскольку последние дают только изображенную реальность [9]. Другие ученые менее категоричны в вопросе правомерности выделения объективной модальности в тексте. «Объективная модальность, — отмечает Т. А. Сергунина, — определяет способ отношения сложного сигнификата текста, являющегося своеобразной суммой пропозиций, тесно связанных между собой в микротекстах высказываний, к референту текста — картине мира. Субъективная модальность обнаруживается в построении композиции художественного текста, в авторском отношении к описываемому, которое проявляется в реализации категорий оценки, образности, эмотивности, экспрессивности, в специфике подачи содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации текста» [15, с. 112]. Разделяя в целом эту позицию, попутно заметим, однако, что исследователь в данном случае отождествляет субъективную модальность с авторской, с чем вряд ли безоговорочно можно согласиться [7].

Весьма плодотворно мнение исследователей, усматривающих специфику содержания объективной модальности в художественном тексте в том, что «это всегда уникальный вариант интерпретации действительности с точки зрения автора текста, представляющий собой индивидуально-авторскую картину мира» [2, с. 134]. «Можно предположить, — указывает Л. Г. Бабенко, — разную степень соответствия содержания текста действительности: максимальную, когда изображаемые события в большей степени приближены к действительности, и мини-

мальную, когда содержание произведений нацелено на будущее или воплощает фантазии, иллюзии и в меньшей степени соответствует реальности» [2, с. 134]. Заслуживает внимания и позиция Л. Г. Бабенко относительно приоритетных модальных значений в тексте: «...иерархия значимости разных модальных компонентов в тексте иная, чем в языке: в нем именно субъектно-оценочная модальность является основой концептуального пространства текста, ибо она представляет собой мнение автора о мире, в основе которого всегда лежит познавательная оценка» [2, с. 134].

Поддерживая данную точку зрения, добавим лишь, что формируют эту субъектно-оценочную модальность не только субъективные модальные значения, но также и объективные, и в первую очередь значения ситуативной модальности (возможность, желательность, необходимость), которые при реализации в тексте приобретают оценочную функцию, зачастую выступая в роли экспликаторов аксиологических категорий и понятий (например, см.: [1; 13; 14; 17] и др.).

Таким образом, структурно-содержательный объем модальности представляет собой тесное переплетение объективных и субъективных значений со сложным рисунком их функциональных «переливов» и межкатегориальных связей, и учет этого дает возможность более глубоко рассмотреть ее специфику как коммуникативной категории.

Список литературы

1. Алимтшева Р. В. Роль ситуативной модальности в реализации аксиологической бинарной модели «поэт — родина» в лирике С. Есенина // Модели в современной науке: единство и многообразие : сб. науч. тр. Калининград, 2010. С. 205 — 211.
2. Бабенко Л. Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. Калининград, 2009. С. 133 — 142.
3. Бондарко А. В., Беляева Е. И., Бирюлин Л. А. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
4. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.
5. Васильев Л. М. Модальные слова в их отношении к структуре предложения // Ученые записки Башкирского университета. 1973. С. 5 — 60.
6. Ваулина С. С. Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. Калининград, 2009. С. 3 — 10.
7. Ваулина С. С., Девина О. В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 8. С. 8 — 13.
8. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
9. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
10. Дешериева Т. И. О соотношении модальности и предикативности // Вопросы языкознания. 1987. №1. С. 33 — 45.
11. Кохановский В. П. Философия. М., 1999.

12. *Краснова Т.И.* Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). СПб., 2002.

13. *Кукса И.Ю.* Модальная специфика русской рукописной газеты «Вестикуранты» // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11, вып. 4. Сер. : Филология. Журналистика. С. 23 – 29.

14. *Островерхая И.В.* Средства выражения модального значения возможности в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (функционально-семантический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004.

15. *Сергунина Т.А.* Роль модальности в определении семантики высказывания и текста // Русское языкознание. Киев, 1990. Вып. 20. С. 108 – 114.

16. *Ткаченко А.И.* Textoобразующая роль модальности в газетно-публицистическом дискурсе (на материале новостных заметок и аналитических статей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011.

17. *Трофимова И.А.* Субъективная модальность в художественном тексте (на материале прозаических произведений А.П. Чехова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004.

18. *Тураева З.Я.* Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. №3. С. 10 – 114.

19. *Эслон П.А.* Проблема разграничения модальных значений // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1997. №1.

Об авторе

Светлана Сергеевна Ваулина – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: svaulina@mail.ru

About the author

Prof. Svetlana Vaulina, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: svaulina@mail.ru